

Предисловие

«Что касается меня, то я с радостью призываю _____ в качестве господ и хозяев».

Мы, издатели, хорошо знали, что к моменту, когда вы будете читать эти строки, революция роботов и/или фей уже произойдет. Но мы также были уверены, что в ней победите именно вы. Да, *вы!*

Мы знали, что этот день настанет, и честно пытались всех предупредить. Было совершенно очевидно: либо технические достижения приведут к тому, что в нашем мире станут заправлять роботы; либо феи, которым надоест то, как бездумно мы уничтожаем природу, в конечном итоге ее у нас отберут.

Поэтому мы и приготовили пособие, которое поможет нашим братьям-людям достойным образом встретить своих новых хозяев и господ (если вы читаете это и вы — человек, мы счастливы тем обстоятельством, что вы вовремя наткнулись на нашу книжку, чтобы подготовиться к наступающему или уже наступившему апокалипсису, где роль всадников исполняют роботы или феи). Так что — добро пожаловать!

Поскольку у нас не было возможности предсказать, как именно вам удастся овладеть миром, мы ре-

шили продемонстрировать, как вы добьетесь превосходства над своими противниками и, конечно, над нами. Поскольку ваша победа над человечеством — дело решенное, наши авторы, главным образом, озаботились тем, чтобы показать в своих рассказах, каким образом люди станут взаимодействовать с вами, и в гораздо меньшей степени их волновали сами истории захвата. И, конечно, так как ваши силы и способности существования не могут быть сведены к одной единственной форме, мы попросили наших авторов дать как можно более разнообразные примеры вашего величия (равно как и несостоятельности ваших врагов) — в максимально возможной вариативности места, времени и жанров. Воистину, слава ваша распространяется и на прошлое, и на настоящее, и на будущее!

Поэтому наши истории могут быть как юмористическими (где мы высмеиваем убожество ваших врагов или показываем тонкую работу вашего чувства юмора), так и по-настоящему ужасными (чтобы продемонстрировать жестокость и мелочную тупость тех, кто осмелился вам противостоять). Остальные же сюжеты располагаются где-то посередке — в зависимости от того, демонстрируем мы ваше величие или же, напротив, тщедушие ваших оппонентов.

Вы можете спросить: зачем нужно сталкивать лбами роботов и фей? Зачем устраивать это состязание? Почему бы не восславить просто и однозначно ваше не вызывающее сомнений величие? Откровенно говоря, это происходит потому, что мы — очень примитивные существа, и состязательность — в нашей крови. Нас хлебом не корми, дай только с кем-нибудь побороться — отсюда наша любовь к войнам и всевозможным рэп-батлам. А вы так сильно отличаетесь от тех стандартов, к которым мы привыкли, что в нашем воображении невольно возникают битвы поистине эпических масштабов.

Сообщив главное, мы хотим уверить вас в том, что нейтральное отношение или даже симпатия к вашим врагам с нашей стороны есть лишь некое лукавство. Мы всегда были, есть и будем на вашей стороне. К сожалению, половина авторов, представленных в этой антологии, не разделяет наших воззрений, что печально, хотя все прочие показали себя с самой лучшей стороны. Также хотим уверить вас в том, что за те истории, в которых человеческие существа одерживают над вами верх, ответственность несут исключительно их создатели (об этой ответственности мы их предупредили). Как вы увидите из авторских комментариев, многие из них явно писали свои рассказы по принуждению. Не судите их слишком строго.

Наконец, в целях просвещения человеческих масс, а также для лучшей подготовки их к вашему грядущему правлению, мы включили в нашу антологию беглое предупреждение относительно вас и ваших (не) естественных врагов. Просим отметить: поскольку нижеследующие разделы предназначены исключительно для человеческих существ, наше изображение вас как в высшей степени великодушных и благосклонных к людям правителей (как искусственных, так и сверхъестественных) не всегда может совпадать с вашим собственным о себе представлением.

Итак, познакомьтесь со своими (возможными) господами и хозяевами: РОБОТЫ.

Брат мой человек! Ты, вероятно, думаешь: *стоит мне их увидеть, и я сразу же их опознаю!* На ум тебе приходят металлические конечности, сияющие кожи, электронные мозги, гигантские трансформеры, механические монстры. Потом ты вспоминаешь собственный пылесос, автомобиль, «Сири» из своего телефона и, наконец, титаническое, вооруженное лазерами око, плывущее над развалинами твоего

дома — так или иначе, в зависимости от обстоятельств. Твое знакомство с пророками из телеящика (которых, как ни странно, называют проводниками поп-культуры) снабдило тебя огромным количеством сценариев с участием роботов. Среди них — и Розы-робот, и Терминатор, и Валл-И, и HAL-9000, и К-9, и множество прочих монстров. Ты считаешь, что готов к их появлению и желаешь служить своим новым хозяевам.

Но если ты до сих пор не на короткой ноге с роботами и нуждаешься в инструкциях, не волнуйся — именно этой цели и служит наш разговор.

Американский институт робототехники определяет робота как «программируемую и перепрограммируемую, многофункциональную машину-манипулятор, предназначенную для совершения разнообразных, предписанных программой действий, направленных на перемещение и использование различных материалов, объектов и орудий». Понятно, что это настолько широкое определение, что пользы тебе от него не будет почти никакой.

Поэтому, если неподалеку появится некто, в ком можно опознать робота, задайся несколькими вопросами: это штука механическая? она запрограммирована? эта штука искусственного происхождения? Если так, перед тобой — одна из вариаций робота.

Хотя роботы чаще всего изготавливаются людьми, они, в свою очередь, могут создавать и создают себе подобных, доводя их до совершенства, стоит человеку отойти в сторону.

Некоторые роботы внешне подобны людям, и их до такой степени бывает трудно отличить от человеческих существ, что, не исключено: многие из наших возлюбленных — роботы. Поэтому будь начеку, и, если у тебя есть какие-либо критические суждения по адресу техники и технологии, придержи их при себе.

Само слово «робот» было введено в наш обиход человеческим существом, Карелом Чапеком, в пьесе

1921 года «Р.У.Р.» («Россумские Универсальные Роботы»). Чапек произвел его от чешского слова *роботник*, означающего «раб», «подневольный труженик». Но не страшись иронии судьбы, брат-человек. Наши господа и хозяева роботы не собираются превращать нас в бессмысленную рабочую силу. Конечно, на протяжении нашей истории и в наших романах мы часто демонстрировали к роботам весьма дурное отношение, считали их чем-то вроде расходного материала. Но роботы далеки от мелочной мести. Верь в их совершенные алгоритмы и системы: в центре их забот — наше с тобой процветание. И если их методы время от времени могут показаться тебе бездушными и даже жестокими, то это потому, что твой слабый мозг просто не в состоянии проникнуться совершенной логикой их монументальной мысли.

Познакомьтесь со своими (возможными) господами и хозяевами: ФЕИ.

Брат мой человек! Если ты вдруг окажешься в какой-то непривычной обстановке, будешь окружен оборотнями, прекрасными эфирными созданиями или странными существами, которые обрушат на тебя ворох загадок, знай: ты перенесся в страну волшебников и фей. Если так, считай, что тебе повезло: феи знамениты тем, что осуществляют разнообразные и интенсивные программы обмена (некоторые несправедливо именуют их «похищениями»). Человечество в немалой степени обязано феям и их изумительному знанию музыки, искусств и мира природы. По сути, не будет преувеличением сказать, что любого из людей, совершивших что-либо значительное, в свое время одарила своим прикосновением какая-нибудь фея (за исключением, понятно, тех представителей человечества, кто участвовал в изготовлении роботов). Многие величайшие произведения литературы, оши-

бочно считающиеся продуктом художественного вымысла, по сути, являются результатом союза их авторов с феями. Это «Королева фей» Эдмунда Спенсера, «Сон в летнюю ночь» и «Буря» Шекспира, «Питер Пэн» Джеймса Барри — не говоря уже о таких совсем недавних работах, как «Темный кристалл» и «Лабиринт Фавна».

Эти произведения искусства рисуют крайне пестрый набор разнообразнейших видов и типов фей — главным образом потому, что феи сами по себе отличаются чрезвычайным разнообразием. Дети-оборотни, эльфы, карлики, баньши, пикси, кобольды — у каждого из этих существ свои особенности, отличающие его от других обитателей запредельного мира. Хотя наши волшебные хозяева и господа, как нам объясняют, всем словам все-таки предпочитают слово «фея» — как некий зонтичный термин, охватывающий все многообразие этих существ. Конечно, есть варианты, и все они приемлемы, хотя и нужно помнить, что, описываемые все скопом этим зонтичным термином, каждый из них имеет свои уникальные характеристики. Баньши — это вам не кобольд и не эльф, и будет хорошо, если вы их не перепутаете. Если же сомневаетесь, лучше спросите своего хозяина и господина — вам объяснят.

А вообще, если вы столкнетесь с существом, волшебным по своей природе, безопаснее всего будет предположить, что перед вами — именно фея. Если же это существо феей не является, а является, скажем, вампиром или оборотнем, то ему, безусловно, польстит то, что вы сочли его достойным столь высокого титула.

Фольклор породил ложные представления о том, что многие виды фей якобы беззащитны перед железом и солью. Это нелепые рассказы, не содержащие и грана правды. Ваши волшебные правители и хозяева начисто лишены слабых мест. Эти же истории предупреждают вас: ни в коем случае не упоминайте всуе

имени той или иной феи — дабы не вызвать ее к реальности. Это даже смешно: разве побыть хоть несколько мгновений в обществе феи не есть высочайшая честь для человеческого существа?

Как и в случае с роботами, поведение феи непостижимо для обычного человека. Если вам придет в голову заявить, что фея — существо непостоянное, вредное или непредсказуемое, вы должны вспомнить, что она является продуктом интеллекта, возраст которого исчисляется даже не веками, а тысячелетиями. Перед лицом этого величия меркнут наши убогие представления о морали или логике.

И теперь, произнеся эти слова восхищения и даже любви — чувств, которые мы питаем по отношению к нашим механическим и волшебным хозяевам и правителям, — мы, издатели этой антологии, разрешаем себе откланяться. Мы надеемся, что наши усилия принесут уважаемому читателю пользу, а возможно, и привлекут его.

Если же уважаемый читатель внимает нашим рассказам в тот момент, когда на Земле все еще тиранствует человеческая раса, пусть он успокоится следующим: все это скоро закончится, мир будет управляться иными сущностями и станет гораздо более уютным местом. Может быть, даже раем. А пока — наслаждайтесь рассказами о наших будущих правителях и хозяевах, приход коих неизбежен.

Мы же пребываем вашими скромными и послушными слугами —

Доминик Парисьен и Нава Вулф

ШЕННОН МАКГВАЙР

Построй мне Страну чудес

Один из пикси вдруг принялся биться головой о ветку Древа Жизни, на которой сидел, а крылья его затрепетали так быстро, что по всей округе разнесся скрежещущий металлический стон, похожий на звук, издаваемый гигантской цикадой-роботом. Кловер взобралась вверх к его ветке, поправила кольчужные перчатки и, протянув руку к пикси, завела все еще вибрирующие крылышки ему за спину. Пикси никак не отреагировал на ее присутствие. Игрушки никогда ни на что не реагируют.

Чтобы оценить повреждения, Кловер аккуратно оторвала пикси от ветки и поднесла к глазам. Некогда милая физиономия, сделанная из пластика, была покрыта царапинами. Глаза дико вращались и, как и крылья, издавали стон — хоть и не столь громкий. Да, механика скоро начнет испытывать перегрузку, что закончится более серьезными повреждениями. Может, даже возгоранием. Иногда, когда сбой дают глазные сервоприводы, вспыхивает голова пикси — жутковатая авария, которая неизменно случается именно тогда, когда внизу толпится малыш. Каждый раз. Неизменно. Приведите в Долину Эльфов малыша с глазами, полными изумления, и сердцем, пропитанным дет-

ской наивностью, и один из этих жужжащих подонков непременно польхнет. Это гарантировано.

— Кловер?

Голос в соусе из радиопомех, столь же противный, как и жужжание пикси, раздался в левом ухе. Как бы ей хотелось не слышать его! Но еще больше ее страшили последствия.

— Я его взяла, — сказала она, надеясь, что микрофон донесет ее голос куда надо. — У три-джи пикси полетели сервоприводы. Бедняга сейчас расплавится. Отнесу его в мастерскую.

— И побыстрее. Тут босс, с неожиданной инспекцией.

Кловер проглотила стон. Полный беспокойства и раздражения, звуковой ком застрял в ее горле.

— Какая же она неожиданная, если мы про нее знаем?

— Он постоянно забывает, что у оленей в Зачарованном Лесу камеры в глазах. Смотрел им в зубы.

— Что, снова?

Кловер посмотрела на пикси.

— Прикрой меня. Я не приду.

— Кловер, — не унимался голос. — С ним незнакомец.

В сердцах произнеся пару слов, неуместных в Долине Эльфов, тем более под благословенной сенью Древа Жизни, Кловер пробурчала, что спускается, и направилась вниз, в одной руке держа сломанного пикси.

Она почти добралась до подножия Древа, когда чертова кукла вспыхнула.

Дверь в ближайшую мастерскую находилась ярдах в двадцати, в стороне от Долины Эльфов, за грудой скал, укрывающих Грот Русалок. Изначально, по плану Парка, эта дверь должна была находиться поза-

ди Древа Жизни, но мистер Франклин отверг эту идею.

— Детишки захотят со всех сторон обойти Древо, когда, испытывая восторг, будут рассматривать его обитателей, — сказал он своим густым, как из бочки, голосом, пропитанным любовью к малышам. — Пусть это будет полноценный опыт, и ничто не должно разрушить иллюзию.

— Прекрасно! Нам по душе ваша идея, — кивнул головой Адам. — Но вы же понимаете, что структура, включающая в себя более двух сотен миниатюрных аниматронных объектов, многие из которых соединены с независимыми дронами, нуждается в самом внимательном контроле?

Голос Адама был голосом здравого смысла инженерной команды в те дни, когда планы расширения Волшебной Страны Фей находились еще на стадии чертежей и они спорили, смогут ли позволить себе питомник единорогов.

— Если у нас не будет двери в мастерскую у самого основания Древа, — продолжил Адам, — то при каждом сбое нам придется закрывать всю Долину. Другого выхода нет!

— Тогда сделайте так, чтобы они не ломались, — отрезал мистер Франклин, и это означало: в самой Долине входа в мастерские не будет.

Каждый раз, когда Кlover вынуждена была пробегать эти двадцать ярдов с горящим пикси в руке, она немного больше, чем обычно, ненавидела человека, который владел ее домом и местом ее работы.

Сейчас же Парк был уже закрыт на ночь, и ей не нужно было, как обычно, поспешно удирать с идиотской улыбкой на лице, питая глубокое отвращение ко всему человечеству. Кlover добралась до двери, приложила карточку к считывающему устройству и вошла в полутемный, чуть влажный коридор. Облегченно прислонившись к стене, полной грудью втянула

землистый запах. Странно, что люди так любят воздух открытых пространств. Их любимому воздуху явно недостает *характера*.

Мистеру Франклину не нравилось, что туннели мастерских такие темные. Но он смирился с этим, когда ему заявили, что переизбыток света во вспомогательных помещениях будет привлекать внимание гостей Парка, и тогда может пропасть иллюзия непреднамеренного совершенства. Но он все равно был недоволен, и Кловер подозревала, что старик предпочел бы вообще отказаться от мастерских, если бы смог, и жил бы вечно в компании послушных, никогда не ломающихся роботов. Кловер ухмыльнулась. Интересно, удивился бы он, если бы ему сказали, насколько невозможной и, одновременно, насколько достижимой была его цель? Это был парадокс. А Кловер любила парадоксы. От них людей буквально корчило, и это было смешно.

Но ухмылка ее погасла, как только она свернула за угол коридора и вышла на более яркий свет ремонтного цеха. Похоже, сегодня здесь работало две трети обычной ночной смены — у кого-то на верстаках расprostерлись какие-то фантастические звери, а кто-то стирал с рук машинное масло и делал вид, что наслаждается светом ламп.

Кловер быстро подошла к своему верстаку и сунула лишившегося головы пикси в ящик. Там он останется, пока аккумулятор не выработает свой ресурс и пикси не перестанет махать крыльями. Предел неэффективности, но эти крылышки были острыми как бритвы, а их выключатель — ну разумеется — находился как раз между ними.

— Чертов дизайнер. Не может не налажать, — проворчала Кловер, закрыв ящик. Предоставив пикси самому себе, она побережет пальцы. Кловер *нравилась* ее пальцы. А потому уродовать себя во имя искусства она не считала ни интересным, ни желательным.

Кое-кто из старых инженеров думал иначе. Они полагали, что отсутствие пальца или же изуродованный палец свидетельствует о глубокой преданности рабочему месту. Но эти люди были реликтами прошлых времен, и Кловер готова была подождать, пока они выйдут на пенсию и успокоятся. Как только последний из представителей старой гвардии навсегда повесит на крючок свой пояс с набором инструментов, требования по технике безопасности изменятся в одночасье.

— А что за спешка? — спросила Кловер, склонившись к ближайшему к ней инженеру.

Вайолет, вторая по молодости инженер из новеньких, девушка, чьи глаза до сих пор горели надеждой на будущее, обеспокоенно посмотрела на Кловер и сказала:

— Сейчас же придет мистер Франклин!

— Я это знаю. Именно ради этого меня вытащили из Долины.

— У человека, которого он привел с собой, в руках блокнот.

Да, от этого можно впасть в беспокойство. Люди с блокнотами обычно были трех типов: адвокаты, бухгалтер и специалисты по оптимизации производства. От адвоката можно отвязаться с помощью слов «требования по технике безопасности» и «соответствие нормам законодательства». Адвокаты не понимали, что происходит в тоннелях, пересекавших тело Парка подобно венам, по которым прокачивались жизнь и энергия, необходимые для поддержания всего предприятия — как кровь для тела. С бухгалтерами справиться было гораздо труднее — они требовали допустить их к накладным по поставке материалов, к журналам учета оборудования; и здесь далеко не все было в полном ажуре. И, тем не менее, договорившись с бухгалтером, можно было чуть-чуть подправить его отчет — чтобы акционеры не потребовали немедленно

го проведения полного аудита Парка. Но специалисты по оптимизации...

Ни один из них не понимал всей сложности и величия той мечты, которую лелеял в своей душе мистер Франклин — потому что толком ее не понимал и он сам. Он рассылал объявления о том, что ему нужны работники, творящие чудеса, и, когда семья с соответствующими производственными навыками являлась на собеседование, мистер Франклин толком даже не просматривал их резюме. Его интересовало лишь то, что они способны сотворить, только те чудеса, которые они в состоянии для него создать. По мере развития Парка он требовал от своих инженеров все более невозможных вещей: чтобы у создаваемых ими единорогов глаза сияли как у живых существ, чтобы эльфы накручивали вокруг Древа Жизни совершенно непредсказуемые, никем не спланированные спирали. И нанятые мастера всегда находили способ выполнить его требования — не колеблясь и не жалуясь, потому что Парк им был нужен так же, как и ему. Для них это была возможность *работать*. А следовательно, и *жить*.

И им совсем не нужны были люди, которые, нагрянув в созданный ими рай радуг и лунного света, видели бы в нем только скрытые издержки производства голограмм и сервоприводов. Им нужна была свобода от забот оптимизации. Волшебство и оптимизация — две вещи несовместные.

В коридоре раздались шаги, и в мастерскую, предваряя явление мистера Франклина и его спутника, вбежал один из двоюродных братьев Кловер.

— Идут! — прошипел он и, прыгнув к своему верстаку, схватил первую подвернувшуюся под руку отвертку.

В тот момент, когда мистер Франклин и сопровождающий его человек с блокнотом выросли в дверях, инженеры все как один напряженно трудились. Пик-

си, принесенный Кловер, все еще жужжал в ящике, а она сосредоточенно смазывала механизмы аниматронного питона, чья чешуйчатая кожа свисала с ее верстака подобно перчатке.

Вайолет полировала рог единорога. Другие инженеры не отставали от нее в усердии, всем своим видом показывая, насколько Парк нуждается в каждом из них.

— Привет всем! — радостно протрубил мистер Франклин. — Хотел зайти и посмотреть, как у вас идут дела.

Вздрогнула не одна только Кловер — то же самое сделал и человек с блокнотом, попытавшийся гримаской замаскировать свое волнение. Он был выше мистера Франклина на целых шесть дюймов, лицо загорелое, каштановые волосы слегка выцвели на солнце. На бухгалтера он никак не походил.

Прошу вас, окажитесь адвокатом, просила про себя Кловер — пожалуй, единственный раз, когда эта мысль вообще возникала у кого-нибудь в Парке развлечений.

— Мы, как всегда, рады вас видеть, босс! — произнес Адам и, отложив гаечный ключ, вышел вперед. Он улыбался, но взгляд его был резок и холоден. — И представьте нам своего спутника, — продолжил он. — В настоящий момент мы не готовы к экскурсиям — у нас в работе некоторые из технологий, составляющих коммерческую тайну компании, и посторонние не имеют права видеть то, что мы делаем.

— Большинство из того, что есть в Парке, является коммерческой тайной компании, — отозвался мистер Франклин, и в его голосе зазвучали жесткие нотки.

Вообще-то он не сильно вмешивался в дела Парка. Давал деньги и озадачивал инженеров все более сложными проектами, которые доводили их до нервных срывов, — вот и все.

— Помните об этом, если решите показать кому-нибудь что-то запретное, — закончил он.

— Непременно, мистер Франклин, — закончил Адам извиняющимся тоном.

Извинение, вероятно, было принято, потому что мистер Франклин улыбнулся и сказал:

— Никаких проблем. Это мистер Тиллман.

Он кивнул в сторону человека с блокнотом.

— Мистер Тиллман — специалист по оптимизации. Он проведет с вами несколько дней и постарается определить, что можно сделать, чтобы наши гости получали от Парка еще больше удовольствия. Помните: наш Парк — это Парк счастья, а счастливый Парк непременно должен быть заполнен счастливыми людьми.

Стоит ли упоминать, то мистер Франклин, как это бывало всегда, совершенно не заметил, как упало настроение его инженеров, когда он произнес фразу «специалист по оптимизации»?

Пикси в ящике на верстаке у Кловер вспыхнул вновь.

Кловер решила, что от судьбы ей не убежать: если кому-то и поручат нянчиться с этим типом, то именно той, у которой на верстаке случился пожар. Она была легкой добычей — слишком занята борьбой с огнем, чтобы защищаться. К тому моменту, когда она поняла, что случилось, искать повод для отказа было уже поздно. К тому же отказ мог бы открыть мистеру Франклину то, что степень нервозности в мастерской зашкаливает, а этого допустить было никак нельзя.

— Здесь то, что мы называем Зачарованным Са-дом, — произнесла Кловер, протянув руку в сторону укутанных мхом деревьев с мерцающими стволами, которые были покрыты ярко раскрашенными бабочками. — Обратите внимание: бабочки пока неподвижны, но мистер Франклин хочет, чтобы мы наделили

их способностью к независимому полету. И это произойдет в середине следующего квартала. Сейчас мы работаем над миниатюризацией соответствующих сервоприводов и надеемся закончить эту работу к Рождеству.

Потому что мы работаем в чертовски оптимальном режиме, яростно подумала она. Ты нам тут не нужна. Отправляйся домой!

Как только сервоприводы для бабочек будут готовы, они займутся «апгрейдом» пикси. Мистер Франклин будет поражен тем, насколько более свободно будут летать его пикси и насколько редко они станут воспламеняться. Роботы горят чаще, чем их живые прототипы.

— Сколько посетителей в день проходит через... через Зачарованный Сад? — спросил мистер Тиллман.

— От десяти до тридцати тысяч в дни с полной нагрузкой, — ответила Кловер. — В целом же Парк ежедневно посещает от пятидесяти до ста тысяч. В праздники и выходные, естественно, больше. Парк способен принять в день до двухсот тысяч посетителей с билетами. Но приходит больше — на каждые четыре человека с билетами приходится в среднем по одному ребенку, не достигшему соответствующего возраста. В прошлом году нам пришлось пять раз ограничивать наплыв гостей из соображений пожарной безопасности — Парк был переполнен.

Мистер Тиллман сделал пометку в своем блокноте. До чего же Кловер ненавидела эти блокноты!

— То есть одна треть всех гостей Парка, как я понял, ежедневно проходит через Зачарованный Сад, верно? А каковы будут издержки на производство этих, как вы их назвали, «независимо летающих» бабочек?

Кловер не разрешала улыбке сойти со своей физиономии. Если она начнет грубить и ругаться, то уже не остановится.

— Десять долларов на одну бабочку, плюс издержки на обслуживание.

И минус сорок долларов на каждого из пикси, потому что пикси обслуживание уже не понадобится.

— И вы искренне полагаете, что уровень обслуживания гостей Парка в связи с этим повысится настолько, что эту программу следует считать приоритетной?

— Так хочет мистер Франклин.

Обычно эти слова клали предел всякой критике: так хочет мистер Франклин. Мистера Франклина в равной степени обожали и дети, и взрослые — за его оригинальные кинофильмы, за чудесные недорогие игрушки, за выпускаемые под его именем *крупы для завтрака* и, конечно, более всего — за его Парк развлечений, Страну Грез. Его замечательный парк позволял людям, уставшим от серых будней, спастись от власти повседневности и приобщиться к чему-то необычному, к волшебству — если у них были деньги и немного свободного времени. Конечно, мистер Франклин был тупица и фанатик, не понимавший, что не все в этом мире ему подвластно; но никто не отрицал того, что его Парк — вещь исключительная, и никто не смел вступать с ним по этому поводу в пререкания.

Не стал этого делать и мистер Тиллман. Черкнув еще одну пометку в блокноте, он сказал:

— Понятно. А что это за цветы?

Черт! Кlover поспешила встать между специалистом по оптимизации и похожими на раструбы цветами, на которые он указывал ручкой.

— Особым образом обработанный пластик, — ответила она. — Выглядят сверхреалистично, никогда не вянут и испускают аромат, от которого дети успокаиваются. Это на семьдесят процентов снизило количество инцидентов в Гроуте Русалок и на Лугах Единорогов.

И это было действительно важно. Единороги отличались повышенной возбудимостью и мстительностью,

и им было наплевать, заплатил ли за билет тянувший их за хвост посетитель или нет. Нельзя было допустить, чтобы единорог забодал какого-нибудь расшалившегося мальчишку.

— А как насчет гостей с аллергическими реакциями? — неожиданно сердито спросил мистер Тиллман. — Не могут ли эти цветы отрицательно влиять на здоровье посетителей?

Кловер застыла, но, с трудом поборов себя, наконец пискнула:

— Эти?

Окончательно взяла себя в руки и продолжила:

— Нет, не могут. Определенно.

Ведь цветы были не пластиковые, а настоящие. Но ни у одного человеческого существа пока не проявилась аллергия на цветы, выращенные дриадами. Правда, как *сказать* об этом специалисту по оптимизации?

— С точки зрения организации среды это не вполне разумно, — проговорил тот. — Я поговорю об этом с мистером Франклином.

Он посмотрел на свои записи и продолжил:

— А теперь проведите меня к Гроту Русалок.

— Конечно, — ответила Кловер, вновь расплываясь в радушной улыбке. Никто, глядя на Грот Русалок, не мог не подпасть под очарование этого места. Ни один человек.

— Следуйте за мной, — сказала Кловер.

Мистер Тиллман с легкостью опроверг статистику. Не выказывая никаких эмоций, он стоял в центре обзорной площадки и делал пометки в своем блокноте, в то время как рыбы всех мыслимых и немыслимых расцветок резвились по ту сторону стекла, играя друг с другом в прятки среди леса ламинарий. Бескрылые пикси с хвостиками, как у морских коньков, плавали на спинах тунцов, с царственной грацией скользящих

в воде взад-вперед. Кловер переминалась с ноги на ногу, надеясь, что мистер Тиллман не задаст ей вопроса: как это возможно, что механические пикси способны плавать под водой. Ответ был прост: механические пикси под водой плавать не могут. А то, что пикси все-таки плавают, объяснить невозможно.

Такого вопроса он не задал. Вместо этого поднял голову и спросил:

— Почему это место называется «Грот Русалок», если никаких русалок здесь нет?

— О, здесь есть русалки, — поспешно отозвалась Кловер. Она так обрадовалась, что забыла об осторожности.

— В эти часы они обычно поднимаются наверх, любят закатом.

— Любуются закатом? — моргнул мистер Тиллман. — Я был уверен, что в этой части Парка вы не используете человеческий труд. Страховые ставки для женщин, работающих в воде...

Черт.

— Это одна из функций рудиментарного искусственного интеллекта, который управляет их действиями, — проговорила Кловер, надеясь, что слова ее звучат убедительно. — Они двигаются по направлению к источнику света, и, таким образом, в обычные часы мы имеем дополнительное средство развлечь наших гостей. Вечером, чтобы сэкономить энергию, мы переводим освещение в туннелях на ночной режим, и русалки поднимаются вверх. Но стоит солнцу сесть, как включается режим обслуживания, и они возвращаются на свои спальные места, где и проводят остаток ночи.

— Я бы хотел на них взглянуть.

Это понятно, подумала Кловер.

— Прошу сюда, — сказала она и жестом пригласила мистера Тиллмана следовать за ней по туннелю, словно вырезанному в толще коралла, наверх, к ступеням.

— Секунду, — попросила она и, отодвинув в сторону дверцу, сделанную в форме раковины, открыла контрольную панель с рядами кнопок. Нажав на пару из них, она включила свет на лестнице. Засверкали декоративные жемчужины на обзорной панели. Теперь русалки знают — кто-то идет.

Пока они поднимались по лестнице, мистер Тиллман молчал, но Кlover понимала, что он наблюдает за ней и делает заметки.

Лестница с небольшим наклоном спиралью вилась через Грот — гости, включая детей, могли без труда подниматься вверх. Если же кому-нибудь приходило в голову остановиться и отдохнуть, к их услугам были смотровые окошки, через которые видны были глубины аквариума. Кlover постаралась идти так, чтобы у мистера Тиллмана не было возможности остановиться у одного из этих окон — меньше всего ей хотелось, чтобы специалист по оптимизации начал задавать вопросы про плавающих за окнами рыб. А он непременно начал бы это делать, если бы пригляделся к некоторым из них.

Нет, ничего не получится, думала она с отчаянием. Мистер Франклин все узнает, и мы потеряем все, чего достигли. Нас выбросят во внешний мир, и мы умрем. Она посмотрела на мистера Тиллмана, стараясь угадать его мысли.

Но лицо специалиста по оптимизации не выражало ничего. Что бы он ни думал, он держал это при себе.

По мере того, как они приближались к верхним ступеням, стены туннеля становились прозрачными — плотный коралл уступал место перламутру, выстилающему внутренние полости раковин. Стенки должны были пропускать свет снаружи, и днем весь туннель сиял и переливался веселыми огоньками. Кlover не стала обращать на это внимание специалиста по оптимизации — расходы по строительству этой структуры давно окупились. Если мистер Тиллман не потре-

бует закрытия Грота Русалок, то разговор об этих затратах вообще лишен смысла.

Они вышли наружу, на внешнюю смотровую площадку. Пол был устлан текстурированной резиной, разработанной с таким расчетом, чтобы, с одной стороны, было похоже на морской песок, а с другой — не скользить под ногами гостей. Центральный бассейн окружала «стена» кораллов, достаточно высокая, чтобы охранники успели перехватить посетителя, решившего вдруг искупаться с русалками, но и достаточно низкая, чтобы все, за исключением самых маленьких детей, могли увидеть воду и ее обитателей. Для малышей, желающих глянуть в глаза русалкам, были устроены окна. Повсюду, подобно звездам, сияли жемчужины, вделанные в стены.

В центре бассейна, словно приплывший из детских снов, возвышался искусственный коралловый остров, переливающийся розовыми, оранжевыми и пурпурными тонами. На острове сидели русалки.

Некоторые посетители были недовольны русалками. Говорили, что их «трудно отличить друг от друга», отчего дети не могли «назначить» себе любимую: все восемь русалок были покрыты голубоватой кожей, а чешуя на хвостах у всех из сероватой постепенно становилась темно-фиолетовой. Волосы — одинаково белого цвета, а лица, хоть и красивые, были не вполне человеческими. Многим взрослым гостям они казались жутковатыми, дети же не могли наглядеться на русалок и часами стояли с открытыми ртами, глядя, как те стрелой проносились под водой.

Даже мистер Тиллман был озадачен видом этих существ. Он остановился и уставился на них, после чего, преодолев удивление, спросил:

— А это кто? Они совсем не похожи на русалок мистера Франклина.

— Кожные покровы испытывают воздействие вод — из-за микроводорослей кожа через неделю на-

чинает выглядеть искусственной, — объясняла Кловер.

Русалки по-прежнему лежали на своем острове, хотя некоторые из них тайком бросали взгляды на пришедших. *Не шевелитесь, оставайтесь на месте*, взмолилась Кловер.

— Волосы же изготовлены из микроволоконной проволоки, — продолжала Кловер. — Движения ее естественны, и прическа в воде не спутывается, как это происходит с настоящими волосами.

— Вы могли бы немало сэкономить на уходе, если бы микроволокно заменили на фасонный пластик, — проговорил специалист по оптимизации.

Он все еще выглядел ошарашенным. Может быть, как немногие из людей, в свое время он тоже столкнулся с русалкой и все еще не может забыть этой встречи?

— Большинство парков используют для своей аниматроники именно пластик, что позволяет избежать лишних издержек, — закончил он.

Сердце у Кловер упало. Она постаралась не подать виду и сказала:

— Большинство парков развлечений не ставят во главу угла достижение эффекта реальности, как это делаем мы. Когда дети покидают нашу Волшебную страну, они говорят, что видели настоящих русалок, а не просто красивых роботов, которые плавают, словно рыбы.

— Но ведь они — роботы, хоть и красивые. Я не могу сказать, плавают ли они как рыбы, а вот их искусственный интеллект, как мне кажется, не вполне адекватен.

Он холодно посмотрел на Кловер и продолжил:

— Не забывайте, что вы здесь создаете не эффект реальности, мисс...

— Кловер, — сказала она. — Просто Кловер. Не последуете ли за мной?

Она повернулась и, не оглядываясь, пошла прочь. Мистер Тиллман бросил последний недовольный взгляд на русалок и поспешил за ней.

Русалки проводили его взглядом.

Вскоре после этого мистер Тиллман заявил, что Луга Единорогов — это «пустая трата пространства и ресурсов», Загон Мифологических Существ негигиеничен и «лишен даже намека на реализм», а Библиотека Сфинкса — это «убогое воплощение излишне амбициозного проекта». Кlover подумала: если бы сфинкс сейчас не спала, специалист по оптимизации счел бы Библиотеку не такой скучной, но, поскольку у нее неизбежно возникли бы проблемы, если бы она представила мистеру Франклину труп Тиллмана, сфинкса она будить не стала.

Наконец, они вступили в Долину Эльфов, и Кlover поняла: для нее это последний шанс доказать мистеру Тиллману, каким чудом является их Парк. Если он не поймет этого здесь, возле Древа Жизни, то не поймет нигде и никогда.

Они прошли сквозь занавесь из веток, которая мешала пикси вырваться наружу и разлететься по всему Парку, и остановились. Кlover украдкой бросила взгляд на своего спутника и с облегчением увидела, что тот, разинув рот, с удивлением рассматривает маленькие ярко светящиеся фигурки, снующие вокруг дерева. Слава богу, никто из пикси не горел.

Но вдруг специалист по оптимизации нахмурился.

— Опять эти бабочки! — сказал он. — Почему они так далеко отлетают от базовой конструкции? Так они ничего не прибавляют этому месту, зато расходы...

Сдержаться Кlover уже не смогла.

— Вы издеваетесь надо мной? — спросила она.

Она протянула руки, показывая на Долину, и сказала:

— Вы что, не видите, сколько здесь волшебства и как поэтому важна эта Долина для нашего Парка? Именно здесь наших гостей посещает радостное ощущение чуда.

— Да, но, если мы демонтируем три эти аттракциона, а вместо них поставим семиэтажный водяной каскад и «американские горки», гости получают не меньше радости. У вас падает количество посетителей. Я собираюсь исправить это. Но не с помощью единорогов.

Если бы вы произнесли эту фразу в их части Парка, вы бы поняли, насколько вы неправы, подумала Кловер. Голова ее кружилась. Но вслух она произнесла:

— Вы именно это пишете в своем блокноте? Что мы должны сломать наши аттракционы и заменить их вашими механическими уродами — только потому, что, как вам кажется, гостям Парка это больше понравится? А вся наша работа — коту под хвост?

— Да, — ответил спокойно мистер Тиллман. — Это понравится им больше и увеличит посещаемость Парка. Вам придется отказаться от этих своих глупых, как вы их называете, реалистических аттракционов, но число посетителей взлетит к небесам. Вам это, кстати, тоже понравится.

Кловер уставилась на него. Рот ее открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег. Наконец она сделала первое, о чем могла подумать: протянув руку к своему ремню, на котором висели инструменты, вытасила гаечный ключ и, описав им в воздухе широкую дугу, с силой опустила на голову специалиста по оптимизации — как раз за ухом. Очки у того слетели. Он успел недоуменно взглянуть на Кловер, а потом рухнул на покрытую резиной бетонную дорожку — еще до того как она успела представить себе все последствия своего поступка.

Кловер всплеснула руками; гаечный ключ грохнулся на дорожку рядом с телом специалиста по оптимизации, который тихо лежал, истекая кровью.

— О нет! — прошептала Кловер, зажав ладонь рот. — Что я наделала!

Мимо пролетела стайка пикси, чьи крылышки издавали звон подобно маленьким колокольчикам. Кловер нахмурилась. Нет, она сделала именно то, что должна была сделать. И, если понадобится, сделает вновь. Нагнувшись, подняла ключ и закрепила его на ремне. Затем, ухватив мистера Тиллмана за лодыжки, потащила его к входу в туннель, туда, где находились мастерские.

Сам Парк был важнее, чем его посетители. Парк был их надеждой на будущее. И специалисту по оптимизации пора усвоить эту истину.

Когда Кловер втащила тело мистера Тиллмана в мастерскую, Адам вскочил со своего места. Мистер Франклин мирно похрапывал в кресле за одним из рабочих столов, а в руке его пурпурно сиял стакан, наполовину наполненный русалочьим вином.

— Отлично, — проговорила Кловер, опуская на пол ноги мистера Тиллмана и отводя прядь волос со своего лба. — Он не проснется еще несколько часов. А мы пока разберем этого идиота на части.

— Кловер! — проговорил Адам и, встав над ней, беспомощно взмахнул руками. — Когда я попросил тебя провести этого типа по Парку, я имел в виду... провести по Парку, а не убивать.

— Да он не *мертвый*, — ответила Кловер пренебрежительно, пнув неподвижное тело ногой. — Хотя, может быть, и так. У него совершенно отсутствует способность к восприятию чудес. Знаешь, что он мне сказал? Что нам нужны «американские горки». Горки! Он назвал Древо Жизни «глупым реалистическим аттракционом». Даже русалки не произвели на него никакого впечатления. Надо от него избавиться.

— Нам от него не избавиться, — проговорила Вайолет, встав рядом с Адамом. — Мистер Франклин заметит.

— Тогда заменим его! — с яростью в голосе проговорила Кlover и ухватилась за молоток. — Мы же заменили нескольких охранников аниматронными копиями. Почему бы не сделать то же самое со специалистом по оптимизации?

— Ну, во-первых, охранникам ничего не нужно *делать* — единороги сами отлично справляются с охраной. Во-вторых, прежде чем их заменить, мы несколько недель изучали их самих и их жизнь. Мы не знаем, есть ли у Тиллмана семья. Не знаем, заметит ли кто-нибудь подмену.

— ...мы даже не знаем, человек ли он или нет.

Кlover и Адам разом обернулись к Вайолет. Та присела на колени над мистером Тиллманом, очевидно, пытаясь определить, насколько серьезной была нанесенная ему рана. Ей удалось стащить с него парик, и под ним оказалась сетчатая основа, удерживаемая на голове заколками. Под основой же спрятались прижатые к голове остроконечные ушки.

Кровер охнула. Адам побледнел.

— Эльфы нас нашли, — сказал он. — Все кончено. Нам конец. Пора закругляться.

Кlover вспомнила то, как Тиллман смотрел на русалок. Глубоко вздохнув, она положила руку Адаму на плечо и сказала:

— Нет. Он заранее ничего не знал.

— Что?

— Когда он увидел то, что не смог объяснить, то был удивлен. Попытался это скрыть, но я поняла. Он ничего не *знал*. Он здесь по той же самой причине, по которой и мы.

Она вновь посмотрела на Тиллмана, пытаясь увидеть в нем не захватчика, а такого же, как и они, бе-

женца, спасающегося из развалин залитых лунным светом дворцов иного мира.

— Он в бегах.

— И он, похоже, просыпается, — сказала Вайолет, выпрямляясь и делая шаг назад, по-прежнему с Тиллмановым париком в руке. — Адам?

— Сперва выслушаем эльфа, — сказал тот.

Под аккомпанемент уютного похрапывания мистера Франклина они ждали, когда Тиллман откроет глаза и сядет, протянув руку к собственному затылку. Почувствовав, что на нем только сетчатая основа парика, он замер. Посмотрел вокруг себя.

— Привет, эльф! — сказал Адам.

Несколько мгновений Тиллман глазел на них, потом выпрямился, глядя прямо перед собой, и произнес:

— Кобольды! Я должен был понять, что это вы, как только вступил в эти туннели. Франклин знает?

— Нет, — спокойно ответила Кlover. — Он думает, что мы — компания гениев-механиков, готовых работать за бобы, и поэтому не нуждающихся в надзоре. Он думает, нас здесь сорок. А нас уже сто шестнадцать. Как твоя голова?

— Болит, — ответил Тиллман, недружелюбно оглядывая кобальдов. — Спасибо не скажу.

— И напрасно. Я могла бы тебя и убить.

— Мы как раз обсуждали этот вариант, — проговорил Адам, склонившись к Тиллману и глядя ему в глаза. — Зачем ты пришел? Кто тебя послал? Ты кому-нибудь о нас рассказывал? Мы назад не вернемся.

— Мы пытались узнать, куда вы ушли, — ответил Тиллман извиняющимся голосом, словно признавался в чем-то постыдном. — Вы же исчезли все за один день. Значит, у вас был план. Вы готовились. Связывались друг с другом. Такого мы от вас не ожидали.

— А следовало, — проговорил Адам.

— Это уж точно.

Вайолет, которая была слишком молода, чтобы помнить то, что происходило в недрах Горы, нахмурилась.

— Я не понимаю, — сказала она.

— Мы раньше работали на эльфов, — сказал Адам, не отводя взгляда от Тиллмана. — Они думали, что они лучше нас, хотя были просто выше ростом.

— Но мы действительно выше, — криво усмехнувшись, сказал Тиллман. — Однако мы так и не поняли, почему вы ушли.

— Значит, вы не просто верзилы, а еще и слепые верзилы, — сказала Кловер. — Мы ушли, потому что вы не захотели нас понять. А мы вам говорили, что нужно сообща искать спасения, а не сидеть друг у друга на голове в недрах Горы и ждать, когда люди уйдут сами. Русалки уже не могли выходить из моря. Единороги умирали. Я уж не говорю о мантикорах. Если бы мы не ушли, нам была бы крышка. Пришлось вас бросить.

— Ты не ответил на мой вопрос, — повторил Адам. — Кто знает, что ты здесь?

— Все знают, — сказал Тиллман. — У меня полный набор полномочий от Королевы.

Кловер всплеснула руками.

— Я говорила, его нужно убить, — сказала она.

— Королева не знает, что вы здесь, — покачал головой бывший специалист по оптимизации.

Кобольды, все трое, посмотрели на Тиллмана.

— Я вас не искал, — пояснил он. — Честно говоря, вас вообще никто не искал. Мы лишились всего, что имели. Мы узнали, что местный менеджмент тратит время попусту, развлекая людей аниматроникой, самыми простыми роботами. Мы хотели предложить им кое-что получше.

— «Американские горки»? — ехидно произнесла Кловер.

— Да, но на основе волшебства. Горки, не зависящие от законов физики. Мы думали, что так сможем обрести новый дом.

— Новый дом? — переспросил Адам.

— Наши дворцы разрушаются.

Слова Тиллмана звучали правдиво. Он говорил тихо, спокойно, и голос его был начисто лишен высокомерных ноток. Таким голосом не лгут — вне зависимости, горька произносимая правда или нет.

— Первый рухнул год назад, — продолжал он. — Много позже вашего ухода. Мы, конечно, могли бы винить в этом вас. Вы всегда занимались обслуживанием дворцов, а мы не имели ни малейшего представления о том, как без вас поддерживать в порядке фундаменты. Хотя, конечно, мы сами виноваты. Нужно было научиться заботиться о собственной инфраструктуре.

— Смирение не в обычаях эльфов, — усмехнулась Кловер.

Тиллман глянул на нее снизу вверх.

— А что нам оставалось делать? — произнес он. — Разрушений все больше с каждым днем. Мы надеемся найти здесь место, чтобы построить новые дворцы.

— Большинство наших аттракционов — биологической природы, — сказал Адам. — Каждый квартал мы заменяем механические устройства реальными существами. Последний аниматронный единорог будет списан этой зимой, когда из Скандинавии наконец придет тамошнее стадо. Все русалки — настоящие. И половина пикси.

— А вторая половина, наверное, уже горит, — проговорила Кловер.

И, обернувшись к Адаму, сказала:

— Мы теряем время, которого у нас нет. Нужно от него избавиться.

— Пожалуйста, прошу вас, — сказал Тиллман таким тоном, что кобольды замерли. Даже Кловер.

— Пожалуйста, — повторил Тиллман. — Вы нужны нам. И нам нужно место, где можно жить. Здесь же места хватит для всех, и мы станем вам полезными. Мы знаем, где спят драконы, где прячутся последние из йети. Мы готовы привести их сюда, и все будем существовать в полной безопасности, под защитой человеческого невежества. Прощу вас!

Кlover и Адам обменялись взглядами.

— Мы не станем исполнять ваших приказов, — сказала Clover. — Теперь мы свободны и независимы. К тому же застрахованы.

— Сейчас мы хотим только выжить.

Адам улыбнулся.

— Хорошо. Вот что мы сделаем...

— Этот новый персонал, который предоставил нам мистер Тиллман, просто удивителен, — сказал мистер Франклин, сияя от удовольствия. — Они полностью вписались в нашу систему и усердно работают, ни на что не жалуясь. Просто слов нет, насколько я счастлив. Говорил ведь, что специалист по оптимизации нам непременно поможет!

Вокруг его головы кружила стайка пикси.

— Совершенно с вами согласна, — кивнула Clover.

— И спасибо вам за то, что согласились показать ему Парк. Думаю, вы достойны вознаграждения.

— Просто держите двери открытыми, — проговорила Clover. — Больше нам ничего не нужно.

Мистер Франклин милостиво улыбнулся ей.

— Дорогая! Этот Парк будет жить целую вечность, а вы еще постройте мне Страну чудес.

— Непременно, — кивнула Clover.

Позади них, в ветвях деревьев, вспыхнул очередной пикси.

ПОЧЕМУ Я ВЕРЮ В ФЕЙ:

Шеннон Макгвайр

Роботы замечательны, но их нужно конструировать и изготавливать. Без участия человека робот просто-напросто не будет существовать (исключение составляют роботы-пришельцы, но это вообще темная история). С другой стороны, феи, вероятно, не существуют, но моя семья происходит из Ирландии, а мы там уже много веков играем в это «вероятно». Ведь когда на краю леса ты встречаешь волшебное кольцо, состоящее из стоящих кругом грибов, ты не можешь знать наверняка — исчезнешь ты или нет, верно? Поэтому я верю в фей — хотя бы потому, чтобы не разозлить их и в случае чего не попасть им под горячую руку.

Кроме того, я обожаю тематические парки. Я провела в Диснейленде много восхитительных часов и буквально влюблена в инженеров, которые работают в парках и делают все, чтобы посетителям было что посмотреть и от чего получить удовольствие. Некоторое время назад я даже хотела поработать в команде инженеров, которые очень серьезно относятся к каждому из аспектов работы парка. Я могла бы с ними войти в эту волшебную Гору Фей как с черного, так и с парадного входа. Именно эти люди помогают нам смотреть на мир другими глазами и видеть его будущее в более ярких и привлекательных красках...

КЕН ЛЮ

Чистая радость

— Добро пожаловать в компанию «Роботы-для-дома», — проговорил бодрый служащий кадрового отдела. — Джейк, Рон и все мы с *нетерпением* ждем, когда и вы внесете свой вклад в успехи компании!

— А вы искренне верите? — тихим заговорщицким голосом спросила меня женщина, сидевшая рядом. Удивленная, я посмотрела на нее. Бейджик на груди сообщил мне ее имя: Эми.

Она отхлебнула кофе, нахмурилась и постучала костяшками пальцев по большому столу, раскинувшись в центре конференц-зала. Маленькая кофемашина, стоявшая на середине стола — черный, в стиле «ретро», приземистый цилиндр с хромированной верхушкой, — начала крутиться и крутилась, пока ее камера не уставилась на Эми, которая улыбнулась и помахала кофемашине рукой.

— Искренне верю во что?

Эти слова я произнесла шепотом. Иначе я не могла. С одной стороны, я знала, что мне нужно сосредоточиться на этой презентации разнообразных преимуществ работы в компании, предоставляемых ею бонусов — мама не меньше пяти раз, говоря со мной по

телефону накануне вечером, сказала о том, как важно уже на первой после колледжа работе вписаться в богатый налоговыми льготами пенсионный план 401(к). Но я нервничала (слайд на экране гласил: «Наша миссия — это невозможное»), а Эми, сорокалетняя, с короткой стрижкой и татуировкой на левой руке (две феи, играющие в «нинтендо»), выглядела так, словно и могла, и готова была поделиться некой мудростью.

— В Миф о Долине, — сказала она.

Кофе-машина, негромко гудя мотором, подъехала к Эми, остановилась в нескольких дюймах и сверкнула прозрачным ободком, охватывающим глаз камеры. Эми наклонилась и вылила содержимое своей чашки в сливной бачок, встроенный в боковую стенку робота.

Затем, вместо того, чтобы набрать новый заказ на сенсорной панели, она откинулась в кресле и громко произнесла:

— Чай. «Эрл Грей». Горячий!

Кое-кто из недавно нанятых служащих компании, из которых почти все были примерно моего возраста, неодобрительно посмотрели на Эми. Другие же усмехнулись.

— Всегда хотела это сделать, — сказала Эми и удовлетворенно ухмыльнулась, увидев, как машина наполняет ее чашку свежим напитком.

Кадровик, вместо того, чтобы нахмуриться, снисходительно улыбнулась.

— Когда-то я тоже так поступала, — сказала она. — Пусть это будет прелюдией к моему следующему слайду.

И она нажала кнопку на пульте.

Следующий слайд демонстрировал старую фотографию основателей компании «Роботы-для-дома»: шизоватого вида студенты, сидящие в своей комнате в общежитии, окруженные мешаниной из деталей от электроники и ученическими тетрадками. «Мы полагаем, что нет более достойной цели, чем улучшение

жизни человечества посредством внедрения современной робототехники. Мы хотим, чтобы каждый из вас понимал, что может сделать что-то новое, достичь того, что все считают невозможным, начать свою карьеру так, как начали ее Джейк и Рон — с тетрадкой, полной диаграмм, в которые никто не верил, и с восьмьюдесятью пятью долларами на двоих...».

Эми склонилась ко мне:

— Либо это тупо постановочная фотография, либо один из этой парочки мало что смыслит в программировании.

— Вот как?

— Посмотрите на монитор. Кто же так работает с «Пёрлом»? Этот язык им явно не по зубам.

Я взглянула на фотографию, потом на Эми. Вероятно, выражение на моей физиономии было достаточно красноречивым.

— Так вы не программист? — спросила она.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет. Фольклористика и сравнительная мифология.

Эми с любопытством меня рассматривала.

— Мне это нравится, — сказала она. — Нужно будет пообщаться... теснее.

Класс! Я даже не въезжаю в их юмор. Пришлось прячь мозги, чтобы подавить поднимающуюся волну паники.

Одна из самых крутых компаний в Силиконовой долине не стала бы просто так принимать на работу гуманитария, если бы чего-то в нем не увидела, верно?

Кадровик достала стопку блокнотов и раздала нам.

— Это первый и самый важный бонус.

Внутри блокнотов оказались разграфленные листы бумаги. Я раскрыла свой. Но вместо обычных линеек и клеток на листах были напечатаны спирали, соты, контуры животных, перемежающиеся хаотично разбросанными точками.

— Не следует идти найденными тропками, — продолжала кадровик. — Если существуют нерешенные проблемы, то ваша задача — решить их. Подумайте о невозможном... и пусть под вашими руками оно станет реальностью.

— Для корпоративного слогана не так плохо, — прошептала Эми. — Пародии вряд ли достоин, как эта фразочка от «Сентиллиона»: «Мы организуем потоки информации, чтобы облагородить человечество»; но гораздо лучше, чем шутка от «Базара», под которую они заставляют своих служащих самим строить себе рабочие столы из деревянного бруса: «нет ничего, чего у нас нельзя купить». Только взгляните на эти вдохновенные лица!

Я оглянулась на остальных. Кто-то уставился на блокнот, не представляя, что с ним делать. Другие с воодушевлением уже что-то рисовали, и лица их были столь сосредоточенны, что виделось: они создают очередной шедевр компании «Роботы-для-дома».

Эми отхлебнула чаю.

— Молодняк так забавен, — сказала она. — Как им нравится чувствовать себя вдохновенными!

Ироничный тон Эми заставил меня насторожиться.

— Вы думаете, нас водят за нос? — спросила я. — Но на сайте «Глассдор» очень хорошие отзывы об этой фирме и ее корпоративном стиле.

— Как и обо всех их конкурентах здесь, в Долине, — усмехнулась Эми. — Есть у них и собственные автобусы, и бесплатные орешки, и фрукты, и льготные кредиты. Они дадут вам столько свободы, сколько вы сможете переварить, да еще, чтобы удержать, предложат опцион на акции компании. Но никто здесь не добьется успеха, если не поверит в Единый и Единственно Верный Миф.

— Делать все больше и больше денег? — спросила я, немного, если честно, разочарованная. Эми строила из себя последнего циника, полагающего, что кор-

порации — это воплощенное зло; но я-то знала, что это глупо и неправда!

— Нет. Таких людей, как Джейк и Рон, интересуют не деньги, — сказала Эми. — Кредо работающих здесь таково: любые мировые проблемы может исправить парень с клавиатурой и паяльником.

Я окинула Эми более критичным взглядом. Рюкзачок десятилетней давности с эмблемой «Шеролл», футболка от «Сентиллион», держалка для мобильного от «Абрикоса» с их старым логотипом. Это могли быть знаки отличия, полученные ею в окопах величайших компаний Долины, а может, знаки и менее привлекательные — свидетельства того, что ее цинизм не позволил ей удержаться ни в одной из них.

— А что плохого в том, что кто-то хотел бы изменить мир? — спросила я.

— Ничего, — ответила Эми. — Кроме явного дефицита скромности.

— Но это же здорово, что мы не просто мечтаем о будущем, но и сами создаем его.

Я намеренно отодвинулась от Эми. Мне совсем не хотелось, чтобы ее негативное отношение испортило мне настроение в мой первый рабочий день. Тем более, что кадровик принялась говорить о пенсионном плане 401(к).

Предполагалось, что группа «Передовая автоматика для дома», к которой меня подключили, должна была совершать принципиальные прорывы в деле создания техники, отличной от обычных приборов и устройств, которые приносили компании основную прибыль, — от пылесосов, стиральных машин и систем безопасности. Большинство собравшихся здесь специалистов составляли ветераны из других групп, и у меня сложилось стойкое впечатление, что они находятся здесь потому, что хотят проводить больше вре-

мени со своими семьями и совсем не желают состояться с нами, молодыми сотрудниками.

К моему неудовольствию, Эми тоже оказалась в моей группе.

— Никогда не работала бок о бок с фольклористом, — сказала она.

— Продукт — это не только программа, — отозвалась я. — Моя работа — рассказать историю, в которой продукт будет главным героем.

Как я была благодарна вице-президенту отдела маркетинга, который внушил мне эту идею несколькими днями раньше!

— Совсем необязательно занимать против меня оборону, — сказала Эми. — Я как раз и думаю, что Долине следовало бы поменьше думать о технологических утопиях и побольше — об истории. Занятно будет поработать вместе. Так как вы изучали мифологию, то будете более реалистичны в сроках и графиках. Ну что же, как говорится в «Звездном пути», «Дармок и Джалад посреди океана», верно?

Я едва не застонала. *Господи, она думает, что я не знаю, что делаю, а потому буду работать спустя рукава.* Да, это назначение вряд ли поспособствует моему карьерному росту.

Я открыла блокнот и написала печатными буквами на первой странице, на самом верху: «Передовая автоматика для дома». Подчеркнула тремя линиями, после чего решила стереть последнюю букву и переписать ее курсивом, пустив от нее к краю страницы длинный хвост.

В этом варианте смелости было больше, чем в начальном — предполагалось, что автор этой надписи способен выйти за пределы традиционных представлений. Чем не символ?

Что до остального пространства страницы, совершенно пустой, за исключением спиралек и черточек, то ее лабиринты, казалось, издевались надо мной.

— Вы уже записались на семинар исследовательского отдела?

Я обернулась и увидела позади себя Эми, которая стояла, облокотившись на стенку моего отсека, с чашкой чая в руке.

— Нет, — ответила я, изображая занятость.

— Даю бесплатный совет: чтобы получать зарплату, совсем необязательно сидеть здесь, в четырех стенах. Они не фиксируют присутственные часы. Это преимущество, и грех им не воспользоваться.

Это было уже слишком.

— Кое-кому нравится и работать, — едва не прошипела я.

Эми вздохнула и сказала:

— «Роботы-для-дома» приглашают на работу самых продвинутых исследователей со всего мира — когнитивисты, спецы по вычислительной технике, антропологи, лингвисты, знатоки наноматериалов. Кого тут только нет. Эти семинары — лучший бонус в социальном пакете, между прочим.

Я демонстративно промолчала и принялась писать в блокноте:

Какие проблемы в автоматизации быта еще не решены?

— «Китео. Он закрыл глаза», — вновь процитировала Эми «Звездный путь». — Лекции, вероятно, слишком терминологичны для гуманитария.

И удалилась.

Усевшись в уголке комнаты, где проходил семинар, я увидела усмешку на лице Эми и поняла, что стала жертвой манипуляции.

Сидя в спальне, я тупо разглядывала записки, принесенные с семинара, а также стопку книг, купленных в «Базаре», — я все еще предпочитала нормальные книги монитору компьютера. *Нейронные сети, каскадные*

вводы, генетические алгоритмы... Когда только эта мешанина в моей голове приобретет осмысленный вид?

Схемы, которые я скопировала со слайдов доктора Вигнора, словно рассматривали меня, в то время как я пыталась вспомнить, почему тогда, на семинаре, они показались мне такими возбуждающими — словно шахматные задачки.

... давние традиции создания робототехники, имитирующей поведение живых существ, вырастают из исследований поведения насекомых и вдохновлены ими...

Но зачем искать где-то источники вдохновения, если мы можем припасть непосредственно к истокам? Вместо того чтобы программировать наших роботов на основе простых алгоритмов, имитирующих поведение, допустим, собирающего корм рабочего муравья, можно оснастить их нейронными структурами этого самого муравья? Прототип нового пылесоса способен в два раза быстрее, чем его предшественник, обрабатывать те же площади, причем его производительность увеличивается за счет того, что машина запоминает, какие зоны помещения аккумулируют пыли больше других, и, таким образом, расставляет приоритеты...

— Ааааа! — раздался истошный крик.

Это в ванной! Стукнула крышка унитаза, и крик перешел в вопль:

— Скорееееее! На поооооомощь!

Я схватила первое подвернувшееся под руку оружие — тяжелую книгу — и бросилась в ванную, готовая вступить в схватку с любым, кто напал на Софи, с которой я делила комнату.

Софи я нашла в ванне, в дальнем углу. Круглыми от ужаса глазами она смотрела на унитаз.

— Что случилось?

— Крыса! В унитазе сидит крыса!

Я отложила книгу, взяла ершик, склонилась над унитазом и приоткрыла крышку настолько, чтобы можно было заглянуть внутрь. Ну да, действительно, крыса. Здоровенная, как моя рука от локтя до кисти. Я смотрела на крысу, а она беззаботно плавала в окошке унитаза, да еще недовольно поглядывала на меня своими глазами-бусинками, словно сердясь, что я мешаю ей принимать джакузи.

— Как она туда попала? — срывающимся от ужаса голосом спросила Софи.

— Я изучала кое-какие городские легенды о крысах в туалете, — сказала я. — Похоже, это вовсе не легенды, а правда.

— Еще какая! — не унималась Софи.

— Крысы отличные пловцы, — продолжала я. — Мы живем на первом этаже, а забраться сюда по трубам для такой ловкой твари — пара пустяков.

— Как ты можешь так спокойно об этом говорить? И что нам теперь делать?

Я покачала головой и сказала:

— Это просто животное, которое ищет, где бы поест. Принеси моющее средство, и смоем парнишку туда, откуда пришел.

Прижимаясь спиной к стене, Софи выбралась из ванны и сломя голову бросилась в коридор. Когда она вернулась из кухни с бутылкой моющего средства, я вновь приоткрыла крышку унитаза и вылила в него все ее содержимое.

— Средство сделает фаянс скользким, а кроме того, растворит жир на шкуре крысы, и она уже не сможет держаться на плаву, — объясняла я, слыша, как крыса плещется в воде и, протестуя против моих действий, скребет когтями по фаянсу.

Я смыла воду и, хотя после этого не услышала никаких более шумов, для верности смыла еще и еще раз. Когда я подняла крышку, унитаз был пуст и стерильно чист.

— Пойду пожалуюсь хозяину, — проговорила Софи, наконец успокоившись.

Жестом я попросила ее посидеть тихо. В моем мозгу сверкнул отблеск идеи, и я не могла допустить, чтобы эту идею кто-нибудь спугнул.

О, как надо мной смеялись все спецы из моей группы! Они присылали мне на почту анекдоты и карикатуры про крыс. Даже на моем рабочем столе появилась плюшевая крыса, когда я вернулась в свой отсек после перерыва на ланч.

— Вот почему нам не нужны выпускники колледжей, у которых нет технического образования, — услышала я шепот за своей спиной.

По правде говоря, я не была уверена, что они так уж неправы.

Пришла Эми.

— Можно обойтись без шуток про крыс? — сурово сказала я. — Не то настроение.

— У меня тоже, — отозвалась Эми. — Я принесла чаю.

В том нервном состоянии, в котором я пребывала, чай был, конечно, гораздо предпочтительнее кофе. Мы сели и стали болтать про ее новый дом. Эми пожаловалась, что ближе к концу осени ей пришлось чистить водосточные желоба, идущие вдоль крыши дома, заплатить кучу денег за очистку трубопроводов отопления и вентиляции, а потом еще убирать из канализационных труб мусор и корни.

— В этом доме так много щелей и укромных местечек! — говорила она. — Для всякой живности — просто раздолье!

— Вы — единственная, кто отнесся ко мне хорошо, — сказала я, чувствуя стыд за то, что держалась с Эми так холодно и высокомерно.

Она отмахнулась.

— У инженеров свой взгляд на мир. Они похожи на городских мышей, которые считают, что способность воровать сыр — единственная достойная уважения способность.

— Зато я — деревенская мышь, которая не в состоянии отличить стол от стула.

Эми улыбнулась:

— Мне постоянно, каждый день хочется чего-то нового. Я ведь тоже начинала не программистом.

— Вот как?

— Начинала я в «Базаре», упаковщиком на оптовом складе. Потом выступила там с идеей оптимизации процесса, и они назначили меня ответственной за решение текущих проблем. То я смотрела, как провести кабели через серверные, то определяла, что делать с режимом секретности в закрытых зонах. Оказывается, я мастер решать технические задачи, и закончилось все программированием, хотя колледжа я не кончала. Но это было еще до того, как они стали требовать дипломы.

Стало быть, Эми тоже была чужаком!

— Я не уверена, найду ли я здесь свое место, — сказала я.

— Не так уж важно думать о своем месте. Скорее, важно... как можно больше узнать о культуре, научиться рассказывать собственную историю их языком. Инженеры подтянутся, если вы нарисуете им картинку, которую они смогут понять. Покажете путь к свежему сыру по ту сторону клетки, если уж на то пошло, моя маленькая деревенская мышь!

Я рассмеялась:

— Да я старалась. Но это так трудно, нужно еще многому научиться!

— А почему вы все-таки решили работать в робототехнике? Мне всегда казалось, что гуманитариям больше нравится преподавать, учить других. И навек, таким образом, остаться в школе.

Я задумалась и после паузы проговорила:

— Непросто объяснить. Скажем так: меня страшно интересуют, буквально очаровывают истории — истории, которые мы рассказываем друг другу, и истории, которые мы рассказываем о самих себе. А о чем сегодня повествуют самые интересные истории? Да о технике! Мечты людей изменились. Теперь мечтают о том, что сделано с помощью паяльника, сварочного аппарата и компьютерной программы. Все прочие мечты — пустышки. Вот какие истории я хотела бы создавать. Простите, но, наверное, в том, что я говорю, мало смысла?

— Напротив, — возразила Эми. — Это самая осмысленная вещь из тех, что я от вас слышала. Действительно, техника — это наша поэма, наша баллада и наш эпический цикл. Вы не программист, но у вас душа программиста.

Наверное, это был самый странный комплимент из всех, что я когда-либо получала, но мне он понравился. Хорошо иметь друга!

В следующий момент я спросила:

— А как вам моя идея с крысой? Есть у нее шанс?

— Я не знаю, — ответила Эми. — Единственное, в чем я уверена, так это вот в чем: гений — это тот, кто не побоится показаться дураком.

— А мне-то всегда казалось, что вы — не самый большой энтузиаст вдохновляющих лозунгов.

— Тут есть над чем посмеяться, — отозвалась Эми. — Я имею в виду то, как наши боссы внушают нам корпоративную мифологию. Но это не значит, что я не люблю хорошую историю. Я же по-прежнему в Силиконовой долине, самой большой в мире фабрике грёз — несмотря на то, что провела здесь столько лет.

Думай о невозможном!

И я решила отправиться прямо к истокам. Доктор Вигнор выслушал мою презентацию, не сказав ни сло-

ва; потом десять минут, не шевелясь, сидел с закрытыми глазами, словно уснул.

Неужели моя история была такой скучной? Я почти обиделась. Столько времени угробила на слайды, на цитаты и прочее! К тому же я сама еще не до конца разобралась в том, что прочитала. Хотя мой анимационный клип с крысой был плодом несомненного вдохновения.

— Ну что ж, — сказал наконец доктор Вигнор, так и не открывая глаз. — Мы никогда не работали с таким развитым животным, но почему бы не рискнуть? Все представляется невозможным, пока не попробуешь!

Весь следующий месяц прошел как в тумане. Провести продукт через все отделы компании — это опыт, который сделает из вас нового человека. Предварительный дизайн воплощался в черновые разработки концепта, который, в свою очередь, реализовывался в трехмерной модели, исполненной на 3D принтере и продублированной вручную изготовленной копией, а та уже адаптировалась к соответствующим рабочим местам, где отлаживалась и сама модель, и питающие ее программы. Вокруг продукта толпились инженеры и тестировщики; разрабатывались графики и аккумуляровались ресурсы; параллельно готовились презентации для отдела продаж и маркетологов, юридического отдела и торговой сети.

В рабочие дни я не отрывалась от дел по шестнадцать часов в сутки, а в выходные — только по восемь, потому что Эми так запрограммировала мой компьютер, что он отключался, если я в субботу задерживалась на работе.

— Чтобы освежить душу, нужно иногда отвлекаться от работы, детка. «Река Термак зимой». Ясно, отку-

да ветер дует? Вот вам диски «Звездного пути», идите и смотрите.

Я извинялась перед сестрой и матерью за то, что не являлась на их дни рождения, не обращала внимания на письма и приглашения от своих старых друзей. Должна же я была показать пример своей команде? Как я могу требовать от них стопроцентной отдачи, если сама отлыниваю от работы?

Rattus norvegicus, иначе — серая крыса, — самое успешное млекопитающее на Земле, исключая человека. Начиная со Средних веков, этот вид приспособился жить там, где живем мы, устраивая себе дома в нашей канализации, в подвалах и на чердаках, питаясь нашей пищей и обогреваясь нашим теплом. Некоторые исследователи полагают, что в мире столько же крыс, сколько и людей.

— Вряд ли мы сможем все это использовать, — сказал парень из отдела маркетинга. — Мы хотим, чтобы люди покупали наши товары. А тут первой их мыслью будет вызвать крысолова. Что у вас есть, кроме этого?

Да, ключевой момент — это история. Я пролистала еще несколько слайдов.

Взрослая крыса обладает такой гибкостью, что способна протиснуться в отверстие размером с четверть доллара. Она может проплыть многие километры, а в экстремальных ситуациях оставаться на плаву много дней. Умеет карабкаться по гладким вертикальным столбам, а также ползать по узким трубопроводам. Владеет навыками навигации в переплетении труб и ходов в человеческом жилище, своей естественной сфере обитания.

Изобретательность и находчивость крысы меня восхищали. Если бы крысы вступили в корпорацию, в мире бы не было компании, равной ей по эффективности.

— Мне нужно это как следует переварить, ха-ха, — сказала я парню из отдела маркетинга. — Потом я к вам вернусь.

Когда работаешь над воплощением мечты, работа совсем не кажется работой.

В соответствии с принятой маркетологами версией «Вегнор» получил свое имя от доктора Вигнора, ведущего специалиста по «не-поведенческой» робототехнике; супергерою требовалась соответствующая история происхождения.

Мы принялись продавать «Вегнора» домовладельцам именно как супергероя.

Современным воплощением духа домашнего очага стал наш оснащенный нейронными сетями от *Rattus porvegicus*, глянцево поблескивающий маленький робот десяти дюймов в длину, состоящий из нескольких сегментов и оборудованный самыми современными сенсорами, а также набором инструментов, напоминающим швейцарский армейский нож. Он стремглав мчался вниз по водосточным трубам, очищая желоба от старых листьев и избавляя домовладельцев от необходимости рисковать головой при падении со стремянки. Бесстрашно плыл по водопроводно-канализационным сетям, разгребая заторы и своими бешено вращающимися острыми зубами превращая любой мусор в пюре. Его гибкое тело протискивалось сквозь крутые изгибы труб и, вытягиваясь, вползало в вертикально расположенные каналы, где успешно воевало с накопившейся за годы слизистой грязью. Робот патрулировал канализационные стоки, иссекая корни деревьев и комья грязной бумаги. Зимой «Вегнор» боролся с сосульками и наледью, а летом чистил каминные трубы, позволяя домовладельцам ежегодно экономить тысячи долларов. Он и чистил, и заправлял себя сам. Но самым большим

достоинством нашего робота было то, что он охранял дом от непрошенных гостей, таких, как обычные крысы, коих он отпугивал раздражающим их слух ультразвуком. На тех же из чужаков, кто ультразвука не боялся, он набрасывался, скрежеща зубами и сверкая когтями, сделанными из нержавеющей стали.

Домовладельцы сметали наше изделие с магазинных полок. Хвалебные рецензии переполняли мировую сеть, а пользователи выкладывали видео подвигов своих возлюбленных «Вегноров»: как они изгоняют змей во Флориде, перемалывают в пыль скорпионов в Аризоне или бегают наперегонки из одного туалета в доме в другой туалет — к радости ребятишек и недоумению родителей (последняя функция будет отменена в рамках предстоящего текущего обновления программы).

Я получила приглашение от Джейка и Рона на ежегодный Осенний пикник, который проходил у них дома. Считалось, что девяносто девять приглашенных, которых удостаивают этой чести, считаются людьми, воплощающими суть и стиль компании «Роботы-для-дома».

Ну что ж, похоже, я нашла свою нишу.

— Вы видели присланное мной резюме? — спросила Эми.

— Нет. Да. Нет, — рассеянно ответила я. Когда тебе сопутствует успех, появляется так много неотложных дел! — О чем вы?

— Я анализировала локальные микротренды, выдаваемые «Сентиллионом». Похоже, по всей стране наблюдается небольшой подъем интереса к вашим крысам.

— Этими крысами я уже сыта по горло, — сказала я.

Около тридцати окошек с цифрами продаж по разным регионам страны постоянно обновлялись, давая свежую информацию, и я нетерпеливо перебегала курсором от одного окошка к другому.

— Взгляните на коды штатов, где наблюдается самый высокий подъем. Вы видите соотношение с количеством проданных изделий?

Я пробормотала что-то невнятное.

— Что, даже не слушаете? Вы стали похожи на крысу, которую приучили давить на кнопку для получения очередной порции еды.

Я подняла глаза на Эми, оскорбленная.

— «Вегнор» отлично продается, — сказала я. — А мне нужно закончить этот отчет.

Эми закатила глаза.

— Все это — корпоративная чушь. Если собираешься изменить мир, нельзя удовлетворяться цифрами продаж. Есть более важные вещи. Тайна. А с ней — и история.

— Покупатели дают много информации. Отличная обратная связь. В высшей степени положительные отзывы.

— Покупатель никогда не скажет, чего хочет, пока ему это не покажут. Точно так же он никогда не поймет отрицательных качеств товара, пока ему не объяснят, что к чему. Нельзя полагаться на мнение покупателя.

Я отмахнулась от очередного коана. В жизни гораздо больше тайн, чем часов в сутках, а я не страдала болезнью технарей и не пыталась, поддавшись внезапному интересу к случайно подвернувшейся задачке, отклоняться в сторону от магистрального сюжета. Мне нужно было суммировать свой опыт по «Вегнору» и описать его как процедуру — с тем, чтобы повторить проторенный маршрут и явиться миру с чем-то еще. В компании «Роботы-для-дома» тебя ценят не по прошлым, а по предстоящим победам. Тех,

кто поживает на лаврах, на Осенний пикник не приглашают.

Эми хотела что-то сказать, но компьютер известил меня: пришло письмо.

— Простите, почта, — сказала я, кликнув мышью. Все эти дни я была напряжена и легко раздражалась — надеялась, что приходящие мне письма обязательно окажутся посланиями от какой-нибудь шишки в нашей компании, которая пригласит меня занять место в самой престижной группе, в непосредственной близости от Джейка и Рона.

Минуточку, бранила я себя. Я имела в виду группу, которая занимается проектами, имеющими большее значение для человечества! Я ведь в чем заинтересована? В том, чтобы забраться наверх по корпоративной лесенке, или в том, чтобы изменить мир? Это же разные вещи!

Письмо было от сестры, Эмили. В эти дни ко всем ее письмам прилагались видео ее малютки. Конечно, я любила племянника, но он еще даже не умел говорить, и меня едва не тошнило от роликов, на которых он ползал по полу «на пузике». Родители — самые большие зануды на свете.

... Дэнни не спит... Мне кажется, я схожу с ума. Я даже не могу думать о том, чтобы обратить...

— ...разве вам не интересно изучить эти соотношения? Что, совсем не любопытно?

Я подняла глаза. Эми все еще стояла передо мной и что-то говорила.

— Вам что, не нужно идти на какой-нибудь семинар? — спросила я с нажимом.

Эми покачала головой и всплеснула руками — я ухожу!

— «Шинзон на суде. Суде молчания», — пробормотала она и вышла из комнаты.

Я сразу же пожалела, что так обошлась с Эми. Но ведь я не была циником, слишком разочарованным

в жизни, чтобы желать изменить мир. И я побывала на Осеннем пикнике. У меня была цель.

В США сорок пять миллионов детей в возрасте до двенадцати лет. Демографические тенденции, миграционные процессы, соответствующее законодательство и правоприменительная практика привели к тому, что все большее количество родителей становится неспособным обеспечить своим детям полноценный уход. Люди работают все больше и все более напряженно, что не оставляет им ни времени, ни сил на воспитание подрастающего поколения.

На меня работали аналитики компании, которые обрабатывали огромные объемы информации. Двигаясь по Интернету, подобно терпеливым паукам, они изучали социальные сети, забирались на родительские форумы и сайты, где родители в режиме анонимности жаловались на судьбу; они перемальвали эмоциональные компоненты постов, в которых американские папы и мамы делились друг с другом своими горестями. Доминировало чувство общего переутомления, с ним соседствовали чувства вины и беспокойства — родители боялись, что не справляются со своими родительскими обязанностями. Веры в детские сады и приглашенных нянь не было — родители с опаской относились к незнакомым людям, хотя на то, чтобы самостоятельно тянуть лямку родительских забот, их сил уже не хватало.

Врата великих возможностей открывались перед устройствами, которые облегчили бы родительскую участь, взвалив на себя часть работы по уходу за детьми и их воспитанию. Совершенная автоматизированная няня могла бы освободить несчастных родителей от самой нудной и монотонной работы — от ночных кормлений, смены пеленок, бесконечной стирки и сушки. Она избавила бы мам и пап от необходимо-

сти слушать рев ребенка, смотреть, как того тошнит, избавила бы от общения с педиатром, от нужды следить за поведением своего отпрыска и, если что, наказывать его. Все это возьмет на себя умная машина, а родителям останется лишь чистая радость общения с наследником или наследницей.

— Вы изучаете это письмо уже десять минут, — сказала Эми. — А это плохой знак.

Я, действительно, прочитала письмо так много раз, что оно утратило смысл, хотя, по правде говоря, все слова, которые сейчас заполняли монитор моего компьютера, могли быть сведены к одному.

— Они говорят: «нет».

К ее чести, Эми промолчала. Выйдя, через несколько минут она вернулась с чашкой чая, которую поставила на мой стол. Я приняла чашку, и ее тепло несколько успокоило меня.

— А еще я принесла вам подарок, — сказала она. — Я собиралась отдать его вам, когда запустили «Вегнора», но времени на это ушло чуть больше — обычные инженерные дела. Надеюсь, он вас развеселит.

Эми свистнула, и поблескивающий черными боками «Вегнор» выскользнул из-за угла моего отсека.

— Это не вполне обычный «Вегни», — пояснила Эми. — Я его перепрограммировала в офисного приколита. Он сможет по вашему приказу заливать горячий соус в кофе маркетологов или травить в юридическом отделе анекдоты про юристов, спрятавшись за решеткой вентиляционного люка. С его помощью вы даже сможете украсть ланч у того из вице-президентов компании, кто отказал вам в поддержке нового проекта. Но вам нужно научиться говорить на его языке.

Эми склонилась к маленькой механической крысе.

— «Лохматик, с плотно прижатыми ушами, стоит на Уотершипских холмах».

Она нахмурилась, подражая манере вице-президента, отвечающего за маркетинг, после чего повернулась ко мне.

— Хотите попробовать?

Я посмотрела на крысу, потом показала пальцем на Эми и на себя.

— «Дармок и Джалад на Танагре», — произнесла я. Эми улыбнулась, а я закончила:

— Вегни! «Сыр Лохматика в Кносском лабиринте». Крыса весело пискнула и мгновенно умчалась.

Я захлопала в ладоши.

— Работает!

— Я знала, — проговорила Эми, — что для выпускника гуманитарного колледжа выучить тамарианский — пара пустяков.

Когда мы наконец кончили хихикать, я сказала:

— Не понимаю, почему они не одобрили мой новый проект. Если исходить из того, насколько был успешен «Вегнор», я заслуживаю большего доверия.

— Дело не в доверии. То, что вы предлагаете, слишком сложно исполнить. Люди даже не знают, каким способом лучше всего укачать ребенка. А вы им хотите предложить машину, которая полностью заменит родителей!

— Это оттого, что люди об этом думают больше, чем нужно. Они же не знают, что им нужно, пока им это не покажешь.

— Вы слишком молоды и пока не знаете: родители не нуждаются в советах постороннего.

— А в вас сейчас говорит циник. Даже если у нас не будет единственно правильного решения проблемы, можно решить ее хотя бы частично.

Эми покачала головой.

— Это вам не работа для очистки труб конструировать. Тут речь идет о воспитании детей. От одних только сложностей с законом юридический отдел выпадет в осадок.

— Нельзя, чтобы компанией управляли юристы, — возразила я. — «Роботы-для-дома» хороши тем, что способны невозможное сделать реальностью. Разве не так? Всегда найдется решение.

— Может быть, вы создадите остров, где не будет никаких правил, и вы сможете там искать технические решения всех жизненных проблем — и ваше сердце наконец этим удовлетворится?

— Было бы неплохо, — пробормотала я.

— Вы меня пугаете, детка.

Я не ответила.

Джейк и Рон всегда испытывали гордость от того, что им удавалось поддерживать дух предприимчивости в своих служащих — даже тогда, когда их количество перевалило за тысячу. А вот от тех, кого приглашали на Осенний пикник, ждали, что они будут вершить великие дела, не дожидаясь приказов.

Поэтому я поступила самым естественным образом — сообщила своей группе, что мое предложение одобрено.

Следующим шагом было перетянуть на свою сторону доктора Вигнора.

— Это непростая задача, — произнес он, покачав головой.

— Вы правы, — кивнула я. — Может быть, даже слишком. Поэтому я отложу ее до тех пор, пока у нас не появятся по-настоящему сильные мозги.

После ланча он нашел меня и принялся просить принять его в группу. Воистину, главное — это сочинить хорошую историю.

Мы начали с того, что собрали все доступные книги по уходу за детьми и пропустили их через систему автоматического реферирования, чтобы она вывела нам фундаментальные правила идеального родителя.

Это оказалось пустой затеей. Книги по воспитанию детей ничем не отличались от журналов моды — на каждую книгу, где проповедовался один подход, приходилось две, где утверждалось, что этот подход — худший из возможных. Нужно ли пеленать младенца? А брать на руки? Дать ему поплакать, чтобы научился сам себя успокаивать, или же бросаться утешать малютку, стоит тому закричать? Согласия не было ни в чем.

Не больше ясности было и в научной литературе. Специалисты по детской психологии проводили исследования, которые одновременно доказывали все и не доказывали ничего, а проведенный мета-анализ их опусов давал понять, что ни одно из этих исследований не может быть реплицировано.

Наука об уходе за детьми находилась на вполне средневековом уровне.

И вдруг, листая вечером телевизионные каналы, я зацепилась за программу о мире природы, которая называлась «Лучшие в мире матери».

Ну конечно же! Я выругала себя за глупость. Выращивание потомства в природе — давно решенная проблема! Это люди, настоящие невротики, слишком много размышляя по этому поводу, создали иллюзию ее неразрешимости. Миллиарды лет эволюции вложили в наши руки правила, которым мы должны следовать. Нам нужно лишь подражать природе.

Так как работы ученых оказались абсолютно бесполезными, я, для того, чтобы найти подходящие примеры, обратилась к неиссякаемому источнику мудрости, мировой Сети. Каждый сайт, имеющий отношение к материнству и отцовству, выкладывал перед моими жадными глазами списки и списочки лучших в мире пап и мам в мире животных.

Передо мной проходили орангутанги, дети которых буквально не слезают с матерей в первые несколько лет жизни.

Я встретила с глубоководным осьминогом, самка которого охраняла отложенные яйца четыре с половиной года — пока из них не появлялись молодые осьминожки; при этом героическая мать ровным счетом ничего не ела.

Были также слоники, которые, помимо исключительно длительного периода вынашивания, отличались способностью совместно, всем стадом, выращивать свой молодняк.

И так далее и тому подобное...

... сложив все это воедино, я увидела историю, которую собиралась рассказать: образец родительской заботы, квинтэссенция любви, выращенной в бутылке.

Способные к самопожертвованию и совместному выращиванию детей группы животных станут для моих роботов примером. Современные родители-горожане, сверх меры занятые на работе и дома, оторваны от своих дальних родственников и совершенно не знают своих соседей. Сеть устройств от компании «Роботы-для-дома» восполнит этот пробел в их жизни. Наши роботы-пылесосы, стиральные машины, наши «Вегноры» — все соберутся вместе, чтобы обеспечить безопасность детей наших покупателей, и станут им товарищами по играм. Одновременно все это будет побуждать людей покупать больше наших товаров, что тоже очень и очень хорошо. Устройства от «Роботов-для-дома», принадлежащие соседям, станут сотрудничать в деле совместного воспитания детей — даже в том случае, если сами соседи не являются лучшими друзьями. Уверенность в том, что все будет именно так, внушают мне стандарты алгоритмов, действующих в технике компании «Роботы-для-дома». Локальные беспроводные информационные системы

восполняют отсутствие человеческих отношений между жителями округа или же оживят их.

— Мэри Поппинс! — провозгласила я. — С открытым зонтиком.

Доктор Вигнор смоделировал нейронные сети, управляющие поведением животных, которых Интернет объявил лучшими родителями, и после напряженной работы с программным обеспечением пришло время испытать первые прототипы.

По внутренней сети компании я пригласила волонтеров, чтобы они поучаствовали в испытаниях, и, к моему удивлению, их оказалось не так много, как я надеялась.

— У нас работает не слишком много родителей, — сказала Эми, когда я пожаловалась ей на недостаток испытуемых. — Тут нет никакого секрета. Посмотрите на графики своей работы и работы вашей группы. Вам даже подумать некогда о том, чтобы завести семью.

— Лишнее свидетельство того, что для нашего проекта есть рынок, — отозвалась я.

Ключом к тому, чтобы невозможное сделать реальностью, является способность видеть возможности там, где все остальные видят только проблемы.

— Только подумайте, — продолжала я, — о потерях, которые несут родители, потому что не могут полностью посвятить себя своей карьере, так как вынуждены после работы мчаться домой, к своим чадушкам.

В ликовании я едва удерживалась от дурацких жестов, вроде потирания рук друг о друга.

— Маркетологам нужно будет лишь слегка намекнуть на это в телерекламе. А если учесть супружеские пары, которые почти все свободное время проводят в фитнес-клубах? Вот вам и еще сегмент рынка!

— Вы это серьезно? — спросила Эми, покачав головой. — Про «потери» и «сегмент рынка». Без иронии?

Поскольку набрать достаточное количество желающих в компании не удалось, я попросила членов своей группы привести родственников и друзей.

Я сделала все, чтобы и намек о проекте не просочился за стены компании, — вооружилась у юристов страшным законом об ответственности за разглашение корпоративной тайны (все-таки эти юристы иногда оказываются полезными), поставила умные блокировки на компьютерные сети. Особо тщательно проследила, чтобы ни капли информации не просочилось в наши неолуддистские газеты: дабы продать побольше номеров, они из любой новости о техническом нововведении раздуют страшную картинку будущего — похлеще Оруэлла и Хаксли.

Эмили с восторгом рассказывала мне о новом члене своей семьи.

— Это невероятно, — едва не кричала она в телефонную трубку. — Никогда не видела, чтобы Дэнни себя так хорошо вел. Твоя Пара меняет ему памперсы, кормит и укачивает, и ему это нравится! Мы с Эриком наконец можем выспаться! Все мамы на моей работе умоляют дать телефон агентства, которое присылает семьям нянь-иностранок.

Я светилась от гордости. Пара действительно была чудом техники. Температура тела — тридцать шесть и шесть, одобренная медиками синтетическая кожа и встроенный в грудь осциллятор, сокращавшийся в ритме бьющегося сердца, — все было создано для того, чтобы не волновать соседей. Восемь рук робота, каждая из которых, ради безопасности и точности, состояла из шести эластичных приводов, позволяли машине уверенно выполнять самые деликатные задания по уходу за младенцем. Она меняла белье, кормила, припудривала, массажировала, щекотала ребенка, купала его, при этом умело давала ему ощущение мак-

симального комфорта, да еще и негромко пела милые песенки, попутно складывая белье и свободными руками подбирая разбросанные игрушки.

Но высшим нашим достижением с Парой было, конечно, ее нейронное программирование. Пара была совершенным заменителем родителей. Она никогда не уставала и не ныла, ежеминутно отдавая ребенку сто процентов своего внимания. В ней жил выработанный эволюцией мощнейший инстинкт, почерпнутый нами у живой природы: Пара стала бы защищать ребенка любой ценой и готова была, спасая его, мгновенно среагировать на любую опасность.

— Я получаю от общения с Дэнни гораздо больше удовольствия, — продолжала Эмили. — Я стала гораздо более спокойной и терпеливой и больше обращаю внимания на приятные стороны материнства. Это невероятно!

— Я действительно очень рада, — сказала я сестре. Я чувствовала себя полной развалиной. Я загнала свою группу как скаковую лошадь, но, слушая сестру, я понимала — это того стоило.

Когда в понедельник утром я ехала на работу на автобусе, принадлежащем компании, мне на телефон пришло сообщение. Сердце мое сжалось и бешено забилось, когда я прочитала текст.

Почему меня вызывают Джейк и Рон? Ответ напрашивался один: им стало известно о моих подпольных работах.

Испытания Пары были еще далеки от завершения. Мне нужно было добыть еще немало убедительных данных, чтобы заслужить прощение за собственное своеволие.

Трепеща, я появилась в офисе президентов компании на втором этаже центрального здания. Помощники быстро провели меня в маленькую совещательную

комнату, где за столом с каменными лицами сидели Джейк и Рон.

— Я могу объяснить, — начала я. — Предварительные результаты очень обнадеживают...

— Вряд ли мы остановимся на этапе предварительных результатов, — перебил меня Джейк. — Вы это читали?

Он протянул мне газету, «Нью-Йорк таймс». «Домашние роботы — угроза городу», говорил заголовок.

Я быстро пробежала статью глазами, и мое сердце упало. Нужно было внимательнее читать сообщения, которые мне присылала Эми.

Оказалось, что «Вегноры» так хорошо выполняли свою работу, что выгнали настоящих крыс с их насиженных мест. Ведь они и запрограммированы были на то, чтобы драться с этими грызунами и очистить от них жилье человека. И это мы считали одним из главных достоинств машины.

Кроме того, «Вегноры» усвоили такую полезную для нас привычку настоящих крыс, как сбор еды и мусора из трубопроводов и канав. Я особенно гордилась тем, что нам удалось создать эту форму биомимикрии. Здесь, как мне казалось, не о чем и спорить.

Но «Вегноры» не ели мусор, лишь удаляли его из домов, что привело к появлению мусорных куч на краю домовладений, и эти кучи привлекли внимание других паразитов, таких как тараканы, мясные мухи и мухи-пестрокрылки. К тому же тараканы стали проникать в дома, свободные от крыс, когда-то питавшихся ими. Что еще хуже, так это то, что тушки убитых «Вегнорами» крыс вызвали интерес койотов, главного городского хищника во многих американских городах.

Все мы до этого считали: если все крысы во всех американских домах одновременно умрут, никто тосковать по ним не станет. Но, оказывается, они играли важную роль в экосистеме города, и «Вегноры» здесь заменить их не смогли.

— Наши соседи утром обратились к нам с жалобой, — сказал Джей. — У них кошки гуляют во дворе.

Я представила окровавленное безжизненное тело Тэбби, разорванного койотом, и вздрогнула.

— Они позвали нас к стене, разделяющей наши владения, чтобы показать свалку, устроенную нашим «Вегнором», — сказал Рон. — От мерзкой вони мне пришлось расстаться со своим завтраком.

— Боюсь, нас ждет групповой иск, — проговорил Джейк, потирая виски.

— Вы видите, как радуются сантехники и дератизаторы, у которых берут интервью? — сказал Джей, постукивая пальцами по крышке стола. — «Вегноры» должны были свести их работу на нет, но наши роботы, куда бы они ни явились, создают проблемы с мусором и паразитами.

Я изо всех сил старалась подавить волнение. Они ничего не знали про нашу подпольную работу. Я переводила взгляд с Рона на Джейка и обратно.

— Мы могли бы уточнить их программы, — выпалила я, — заставить их собирать мусор и утилизировать его... Или сделать другого робота, который вычищал бы отходы и продавал муниципалитету. А можно научить «Вегнора» отлавливать тараканов и уничтожать их яйца.

Если техника создавала проблемы, решить их могла та же техника, только в еще большем количестве.

Джейк и Рон глядели на меня во все глаза.

Неприятности с «Вегнором» заставили меня серьезно задуматься о том, чтобы наконец открыто объявить о создании нового робота, моей Пары. Только так я смогла бы восстановить свое доброе имя.

Стараясь как можно быстрее справиться с последствиями постигшей нас катастрофы, мы вместе с моей

командой стали с удвоенной настойчивостью искать, что еще хорошего наши прототипы Пары могут сделать для родителей. Нужно было постараться предугадать все возможные пожелания потребителя: Пару можно настроить таким образом, чтобы осуществлять кормление ребенка строго по часам, либо, напротив, следовать не режиму, а аппетиту и настроению младенца — как при грудном вскармливании. Она могла, если того пожелают родители, с любого возраста начать формировать строгий режим сна, а могла следовать «палео» практике сна полифазного. Пара обладала способностью играть с детьми и успокаивать их так, что это оптимально стимулировало развитие их мозга, помимо того, что умела готовить нехитрую еду, освобождая уставших родителей от лишних кухонных забот и давая им шанс либо поспать лишний часок, либо закончить работу и уж тогда заняться собственным отпрыском.

Предварительные результаты были весьма многообещающими. Опрос вновь задействованных в испытаниях родителей дал исключительно позитивные результаты.

Преданностью детям наши роботы могли соперничать с осьминогами, умением кооперироваться — со слонами, а уровнем ответственности — с орангутангами. Лучших нянь своим наследникам родители не могли и пожелать. Пара была способна освободить мам и пап от всех неприятных сторон ухода за детьми, оставив на их долю лишь самые радостные.

— Почему ты от нее отказываешься? — спросила я. — Что она делает не так?

— Все так, — ответила Эмили. — Но все это неправильно.

— Я могу вечером прилететь и посмотреть...

— Ясно. Прилететь на мой день рождения тебе некогда, а посмотреть, все ли нормально с твоим роботом, — это запросто!

Я глубоко вздохнула.

— Это нечестно, Эмили.

— Неужели? С каких это пор ты стала работоголиком?

— Не нужно так, Эм. Мы с тобой говорим о моей карьере. Если я не смогу доверять твоим впечатлениям, то кому я вообще смогу доверять?

Эмили на другом конце линии хмыкнула:

— Да я правду говорю! Пара все делает замечательно. Но нам с Эриком не нравится то, что из-за нее происходит с нами.

— Что ты имеешь в виду?

Ничего подобного *не должно* было случиться. С самой первой минуты работы над проектом «Пара» я всеми силами стремилась снять проблему, которая часто возникает у родителей в связи с обычной, живой няней, — они начинают ревновать к ней своего ребенка, который, как им кажется, устанавливает с ней более тесные взаимоотношения, чем с ними. Именно поэтому, разрабатывая внешний вид робота, мы отказались от гуманоида. Точно так же, как мы не опасались того, что в умении ухаживать за домом нас превзойдут наши пылесосы и стиральные машины, родителям не следовало волноваться, что их дитя по-настоящему привяжется к синтетическому устройству, которое, по сути, не слишком отличается от программируемой колыбели с мотором и механическими приводами.

— Я не знаю, как это объяснить, — говорила Эмили, явно с трудом подбирая слова. — Но Эрик как-то говорил мне, что ему страшно не хватает общения с Дэнни, и я чувствую то же самое. Нам очень жаль, что мы не проводим с ним столько времени, как раньше.

— Но большая часть тех часов была пустой тратой времени! Пара дала возможность родителям испыты-

вать только чистую радость от общения с детьми и, соответственно, более эффективно использовать свое время.

Мысленно я видела раздраженные письма, приходившие от Эмили и от других отцов и матерей, которые жаловались на недосып, на то, что возня с детьми превращает их мозги в кашу. Воспитание занимало слишком много времени — вот какую проблему требовалось решить.

— Все так, — отвечала мне Эмили. — Но я не уверена, что понимаю, что значит «чистая радость». Мы с Эриком тратили долгие часы на то, чтобы накормить Дэнни; мы подолгу рассматривали его какашки, мы из кожи вон лезли, чтобы заставить его уснуть; мы чувствовали себя сверх меры усталыми и отупевшими. Но каждый раз, когда мы смотрели Дэнни в глаза, мы были счастливы. Сейчас мы проводим с ним по полчаса в день, не больше — читаем ему или играем; но даже эти считанные минуты кажутся нам слишком долгим сроком. Мы теряем терпение. Странно, но чем меньше времени мы проводим с Дэнни, тем меньше нам этого хочется. И, как нам кажется, это неправильно.

Дедал, на крыльях твоих солнце плавит воск

... мозжечковая миндалина, гипоталамус, префронтальная кора головного мозга, ольфакторные луковицы — все они активизируются поведенческими сигналами младенца, которые включают процесс адаптации на гормональном уровне и касаются таких гормонов, как окситоцин, глюкокортикоиды, эстроген, тестостерон и пролактин, отвечающих за обеспечение родительских функций и моделей поведения...

Я закрыла книгу и потеряла виски.